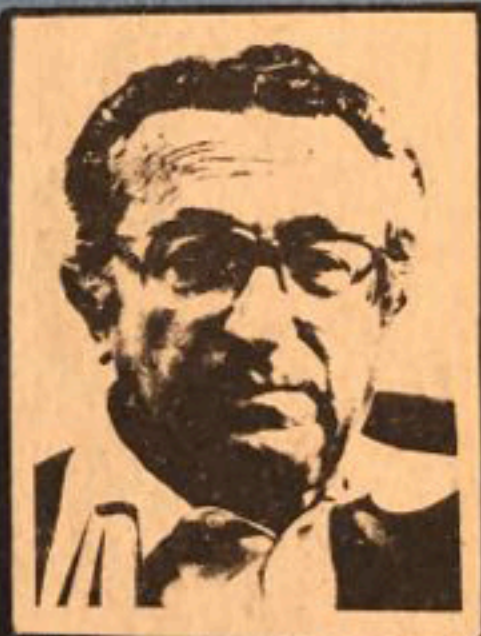
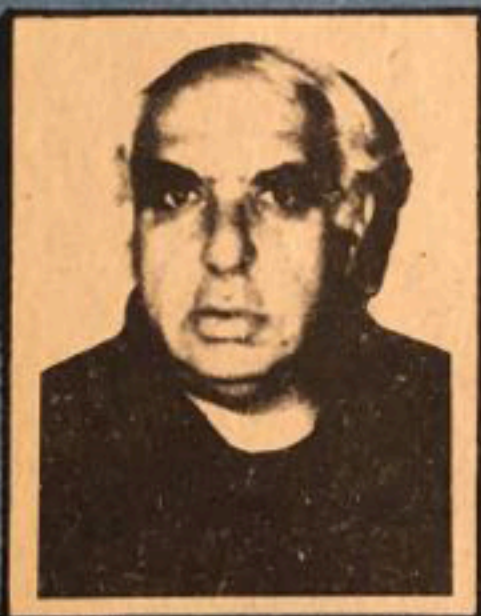

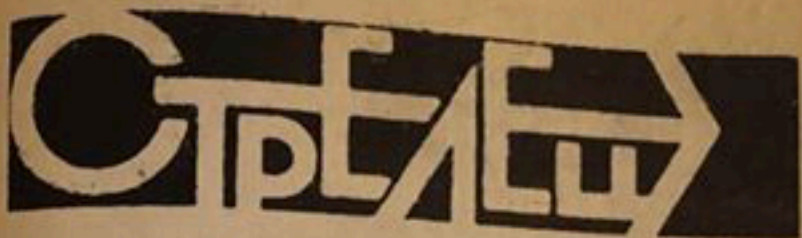
№ 2 (72)

1993 г.

СРЕДСТВО

АЛЬМАНАХ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

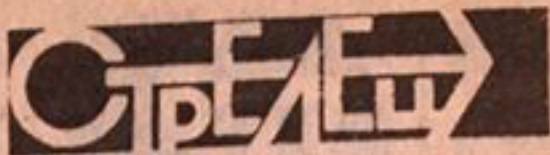

№ 2 72)

1993 г.

**АЛЬМАНАХ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ТРЕТЬЯ ВОЛНА"
Париж — Москва — Нью-Йорк

Главный редактор – Александр Глезер
Зам. гл. редактора – Евгений Шкловский

Редакционная коллегия:

Василий АКСЕНОВ, Владимир АЛЕЙНИКОВ,
Дмитрий ВОБЫШЕВ, Георгий ВЛАДИМОВ,
Виктор ЕРОФЕЕВ, Вадим КРЕЙД,
Виктор КРИВУЛИН, Юрий КУБЛАНОВСКИЙ,
Алла ЛАТЫНИНА, Генрих САПГИР,
Николай ФИЛИППОВСКИЙ, Сергей ЮРЬЕНЕН

Publishers:
Third Wave Publishing House

Адрес редакции в США
Alexander Glezer
286, Barrow Street, Jersey City,
NJ 07302 USA

Адрес редакции во Франции:
Alexandre Glezer
Chateau du Moulin de Senlis
91230 Montgeron, France

Цена номера: 25 ам. долларов, 150 фр. франков
Подписчикам журнал доставляется за счет редакции

Library of Congress Catalog Card No. 84-8582
ISSN: 0747-7287

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

<i>Марк Харитонов</i>	
Агасфер. Рассказ	4
Казанова. Рассказ	16
<i>Александр Кушнер</i>	
Новые стихи	22
<i>Владимир Якименко</i>	
По следам графа Монте-Кристо. Рассказ	25
<i>Александр Тимофеевский</i>	
Четыре стихотворения	37
<i>Виктор Соснора</i>	
Личность книги. Рассказ	41
<i>Виктор Кривулин</i>	
Стихотворения	48
<i>Игорь Яркевич</i>	
Берия, или Воирыня Морозова. Рассказ	51
<i>Михаил Айзенберг</i>	
Стихи семидесятых	57
<i>Андрей Бычков</i>	
На юг. Рассказ	60
<i>Евгений Рейн</i>	
Стихотворения	65
<i>Валерия Нарбикова</i>	
Шепот шума. Отрывок из романа	72
<i>Ирина Пугчева</i>	
Шесть стихотворений	85
<i>Наталья Семьнина</i>	
Фонарь за окном. Рассказ	89

Андрей В.
Компьютер
Евгений П.
Разговоры

ПОЛЕМ

Михаил З.
Культура:

Наталья Я.
Слово: в с

ЛИТЕР

Илья Сел.
Гаральд

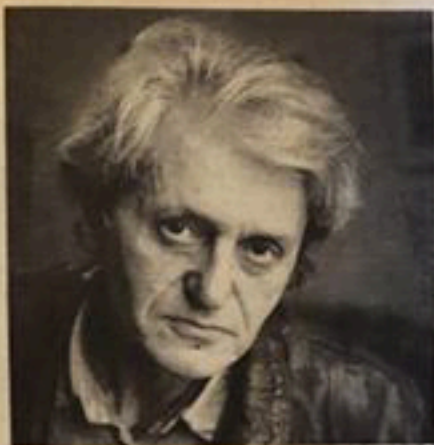
Неиздан
к поэту П

ЭССЕ

Анатоли
Письма

ВОСТ

Лев О.
Золот

Виктор Соснора

ЛИЧНОСТЬ КНИГИ

Рассказ

Женщина мною не освоена, я вижу жизнь сквозь завесу-графо, лежу голый в доме, загар лжеодежда, солнца закат, кованое солнце за холмом мха, я кую книги на руках, эти рабочие тетради, доски для дома. Борьба с личностью медведя, орла, императора да и народа (всякого!) закончилась дырами (пулевыми!), моря замучены, леса заселены, горы разгромлены, взялись за личность пустынь, и их нет, они в бомбах, дети гибнут, как книги. Если солнце в ночном полушарии, оно есть у нас? К доске влюбленных прибавают? На доски клеют? Когда я бью в юбку женщине, это не значит, что ваюбился. Руки звенят от крапивы. Что жизнь, чижик? — поют попугаи, а он в ответ: кижки чьи жич отч? Гневаясь, Бог бьет пальцами, как геркулесовыми столпами, голова моя лежит на постели, и мнится мне один путь, один-одиношеник ушел в другую половину мира, за документ. Стоял за холмом, облака с быстротой, кит рисованный. В краю Тихудзен в уезде Микаса жил монах Гамбо, в 16 году Тэмпе в восемнадцатый день шестой луны служил он молебен в храме богини Каннон. Не успел он поднявшись на возвышение зазвонить в колокольчик, как небо вдруг потемнело, загрохотали раскаты грома и ударили в Гамбо, голова его оторвалась и скрылась в тучах.

В те же годы Темпе ровно через три года и опять же в восемнадцатый день шестой луны во двор монастыря Кофукудзи с неба свалился череп с надписью "Гамбо" и послышался оглушительный хохот, будто разом смеялась тысяча человек, не меньше! Собратья и послушники Гамбо подобрали череп, похоронили и насыпали над могилой курган. Назвали тот курган Могилой Головы, он и в наши дни высится. Друг грудной, я слышу шепот с расстояний выстрела, эту тутошнюю я не считаю землей, люди, из простых людей сделанные, я хочу написать книгу, где слова без новшеств, в этой истории интересен только цвет платьев. Становление книги — пустота, где один Родитель, вжигая миры от ревности смотрит, Он в рост кувшина Вселенной. Говорят, что после второго рождения к зверям возвращается человеческое начало, это крыло мечты. Я иду по до рогам, роняя перья, глупо выжимать бег из ног, вместо упрепления они начнут ломаться. У Каабы что делать, скорлупу? Луну видел, месяц сизый, вкуснодышащую корову, месяц страшен, как камешек в носу, цветной. Страх смерти — это страх перемен. Бриться буду на третий день после грозы. Хорошо б министра расстрелять на столе! Костюм и крепость — защита людей, хранит их. Праходеды. Хива — городок для американцев, еще в самолете я говорил с 7 знакомыми из США, в Хиве же на скамейках из карагача я насчитал их 11, а на камнях 9, одна потеряла ключ от Америки и носилась по Хиве на птичьем полете. Жаль, не купил ослика. Посреди Хивы стоит верблюд, как макси-араб, веки семита, это он высматривает гроб Тамерлана, черную шкатулку с телом гениаломана. В Хиве продают бусы из башен, хивинки шьют лоскуты за зарплату, как шили ковры у Тимура, американцы их осматривают, а еще сидит одна в нацодержке, воду пьет из кувшина, как в древности тоже. В Хиве книги и джинсы английские. Узбекские зубы вывешены в музее, 10 век, четыре зуба здесь. Комсомолки катают камни по лестницам, как при халифах, инсценировки, вроде бы; к ночи их ебут за валюту. В Самарканде леденцы кубиками, как лед для виски, да, гробница Тимура в Самарканде, и пунцовые ангелы, фаянсовые на базаре с печатью "Москва". Рыба это время, в нем течет она, как из телятины, на заднем сиденье машины лежит она, как слуга, сжавшись, как вода из кругов. Как описать розы, их цветную аква, тушевые, их победоносный рот, краснофиолетовые? С самолета: летят титулованные не ино, а другостранцы, Кара-Кум, самолет над пустыней, как моряк, не штормит, а внизу люди, жуко-головы, на пустыню надеты петли дорог, деревца как расчески-штрихи, волнолом, тень от самолета летит, имя ей механизм. Мы летим без масок, с толстыми ртами. Мамлакат! — вот кто меня поражает, И. В. Сталин держит на ногах Мамлакат, монголку не грудную, но лет семи. Девочка на ногах у И. В. Сталина, всенародно, соцэротизм! Люди, равные распилу дров. После смерти я отправился искать себя, и только над головою Кто-то чертил круг, светящийся солнцем и не

довел линии
плачешь, и
сы, хочу ш
попил, кро
балконе, и
в такую ме
летит ввер
их учат, к
недолго ей
шенько де
детны, про
ром, утром
тынет (сох
Когда я бы
б не тоска
шьешь к
Белые хал
каком смь
мытые. В
страны си
государств
азробус —
азробусе
лезное кр
кинотеатр
— под заб
голову де
Два дня
цепочку,
жизнь —
неподвиж
реки Кел
камыш. П
новатой
страшны
шественн
тау, Джи
Голодной
лефону т
понятие
Не спал,
тиминут
кой, наде
луна с кр
они годо
ступая и.

довел линию, но Голос вернул вниз, в кровать. Кит-грустноног, что плачешь, нечист честию? Жарил бифштексы, а скорее швайнштексы, хочу пить кубок из женских губок, воду отключили, ничего не попил, кроме корвалола. Будет ли новая Нелли? Два воробья на балконе, на железных рельсах перил. Мне красила потолок маляр, в такую медную трубочку фыркала в потолок, а из трубочки изо рта летит вверх веером синька, а потом пол мыла с прямых ног, видимо их учат, как мыть, у нее белые чулки из хлопка, пальто велико, недолго ей жить. Шью пуговицу, нет ниток, они рвутся, если хорошенько дернуть, пришью ль? — непохоже. Сейчас женщины бездетны, продавщицы снимают халаты, привезли круглый хлеб с жаром, утром он остынет и будем брать камни, женщина быстро остынет (сохнет!), вместо живого с пылу с жару будем брать падаль. Когда я бывал пьян, я мог неплохо и сидеть, но стоять не мог я. Если б не тоска, я б не писал, а так напишешь, какую-то пуговичку пришьешь к телу книги, и радуюсь, свищу в дырочки от пуговички. Белые халаты у продавщиц помогают за ночь, хлеб мыть нельзя, в каком смысле помогают? — их погладят утром (рукой!) и наденут, как мытые. В магазинах грязно, и продают грязное, на территории страны сидят солдаты сомкнутым строем, необъяснимо, солдаты — государственная тайна. Нужно писать тоньше, яснее солнышка: азробус — операционная, вылет в ад, полет в ад, желтое солнце, в азробусе потолки в белом, странно, небо — пустыня в белом, а железное крыло сбоку, как твое крыло, кресла рядами, это летающий кинотеатр. Как жить художественно? Самая художественная жизнь — под забором, а реальная? — за забором, мир пределен, если твою голову держат в руках, а еще не отсекали, благодари их. Благодарю. Два дня синие потолки с утками, купил в Андижане серебряную цепочку, повесил на голову, не могу без цепей, на путях доска "твоя жизнь — твое дело!", Фергана, это о рельсо-колесах. Пески, обычно неподвижные, при виде меня приходят в движение, сижу в русле реки Келифский Узбой у колодцев Чарышлы, к югу от оз. Сарыкамьш. Почвы изобилуют солью и отложениями гипса лужи солоноватой воды привлекают туркмен, чинграй-аулы, моря песку с страшными бурями, кости людей собирают в груды для путешественников, горы из метафорических пород, к примеру, Арслантау, Джитым-тау, Султан-уиздаг, дождевые потоки уносят скот, в Голодной степи растут зонтичные, — я доволен описанием. По телефону трудно говорить, лучше в ведро, с отзвуком голоса. Ввести понятие "географическая кровь". Девушка 2 м. 07 см. оздоравливает. Не спал, в окне луна около 20 мин., мое окно рассчитано на десятиминутку. Беломолния, гром кирпичный, ем один шашлык с булкой, надел на палец серебряное кольцо, как птица колыбельную пою, луна с крыши как ток идет. Жизнь складывается из одних книг, это они годовладельцы. Октября нет, а я пишу на его страницах, шумно ступая идут такси. Уходя из Самарканда я имел 60 всадников в свите,

прошла неделя и никто ко мне не шел, по пути в Балихшан я встретил пустынноика Эмира Колала и он сказал мне: иди в Хорезм, и я обещал ему годичный доход с Самарканды, если убью узбеков. Когда я шел от Эмира Колала, у меня было еще 60 всадников. В Хорезме на меня напал Текель, правитель Киуку, он вышел с 1 тыс. всадников. Я стал напротив. Дело началось и я сражался так, что из 1 тыс. всадников Текеля ушли живыми только 50, а из своих 60 я сохранил только 10. Элиас-ходжи и эмиры Джаттеха говорили: удивительно, Бог и счастье на его стороне. И узбеки затрепетали. Но плачевно счастье, расшатано, ведь у меня лишь десять воинов, семь всадников и три пехотинца из Хорасана. Я посадил в собою из лошадей мою жену, сестру эмира Хусейна, и мы, походив по пустыням Хорезма, ночью остановились у колодца. Три хорасанца во тьме сбежали, и с лошадьми, у нас на семерых осталось четыре коня. Мое мужество возрастает, мы пошли, но Али-Бек-Чун-Гарбани схватил нас и бросил в темницу, полную гадов, у дверей стража, и эти бегут со своего поста, я иду к Али-Беку, при виде меча он пристыжен, смущается и просит "извинит", отдает лошадей, оружие и жену и еще ключу и верблюда, негодного к пути. Я вошел в пустыню с 12 всадниками, на второй день мы легли в пещере и толпа тюркитов осадила нас. Они били в набат. Мои заботы — спасти жену, я запер ее, а сам отталкивал толпу, вдруг один тюркит узнал меня и кричит: это Тимур! Он остановил сражающихся и пал к моим ногам я возложил ему на голову мою чалму, и с этого момента... И с этого момента Тимур пошел на Восток в Историю и завоевал 4 климата из 7 земных. Армия гремит, шлют с голубями! В Уложении Тимура: каждый должен иметь две лошади, лук, колчан, саблю, пилу, шило, мешок, рогожную иглу, топор, десять игл и кожаный ранец — заботливо. И о себе он думал, но это уже период Властелина Мира: 12 тыс. конных полицейских, вооруженных с ног до головы должны быть вокруг дворца слева от меня, справа от меня, спереди и сзади. Каждую ночь патруль у ног из 1 тыс. человек. Однажды Тимур, преследуя Элиас Ходжу, крикнул: **ЮЛЬ БУЛИМАН!** — и преследуемый пришел в такую ярость, что собрал полки и снова повел их в атаку. Видимо сильно-монгольские слова знал Тимур. Так как Бог один, — пишет Тимур. Когда Тимур собирал малую армию, она составляла квадрат 16 на 16 км., лошади бок к боку, воины плечом к плечу. Тимур писал, что у Бога 92 имени, а мусульмане считали 99, Тимур доказал, что знает лучше; он писал: убежден, что занятие наиболее достойное для мужчины — завоевать мир. С стальным шлемом на голове, с грудью, покрытой панцирем Давида, с египетским мечом я вошел на трон войны. Тимур умер в 1404 г. в Отраре на дороге, он шел в Китай, он и Китай бы взял себе, ему был 71 год. Чингиз-хан и Тимур от одного предка — от Туменех-хана, четвертого предка Чингиз-хана и девятого Тимура. Круги дорог замыка-

ются, по какой бы ни пошел — стоит пень, иль волк. Чист свет оконный, чистое окно света, в детстве я очутился в пустыне, степь, диск и под ним (луною) скачет кто-то, лицо прозрачное и глаза издаലെка. А потом он же был один, черными вечерами у стола, пылающий — скок, скок, и конь у него такой же. Хорошо у него, но нет пули, чтоб пустить сюда. 24 мая 520 г. до н.э. к пророку Захарии пришли, он пишет: видел я ночью мужа на красном коне меж мировых стволов, и за ним красные, пятнистые и белые кони. Я спросил: о кто ты? — Я покажу тебе место, — ответил он и сказал: мы те, кого Бог послал ходить взад и вперед по земле. Еще Захария пишет, что увидел в небе объект цилиндрической формы и конник сказал: это то проклятие, что будет вечно висеть над землею. А потом конник ему показал четырех рабочих, и спросил Захария: что они будут делать? И сказал на коне: вот, они принесут камень по имени "отрасль", на нем семь глаз, я захочу и сотру с камня все грехи, и станет над миром муж по имени Отрасль. — Господин мой, — сказал Захария, — тут-то и путаница, кто ж Отрасль — камень-семиглазка, или муж, что растет из своего корня, как и лекарство? Родина пришедших с неба Плеяды, Семь сестер, и Иов спрашивает в книге: можно ли это считать влиянием Плеяд, или ленты Ориона? Эпсилон — центральная звезда пояса Ориона, там злые, во всем новом, даже подметки на башмаках новые, их первый вопрос людям: какой у вас цикл времени? В рукописи "Спекуллум Регали" (ирландская летопись 965 г.) пишется: это призошло в городке Клора в одно из воскресений, когда народ был у мессы у церкви св. Кинаруса. Неожиданно с неба стал спускаться металлический якорь, по нему лез маленький матрос, будто плыл вниз, но потом обрубил канат и убежал в лес. Матрос не найден. В Ташкенте меня разбудило в 5 утра 26 апреля 1966 г. ярким светом, двор и комната залиты металлическим огнем, я услышал, грохот и ослеп. Может быть, я проснулся от этого света? бывает, но ослеп от внешнего. Через три минуты земля с Ташкентом вместе затряслась, начинает подниматься. Землетрясение убило 10 тыс. чел. пехоты, оставило без шатров 200 тыс. Когда потрясенные землей жители выходили на улицы, они увидели воздушные сферы, проплывающие в небе подобно воздушным шарам. В тот же вечер ярко слепящий объект пересек канадскую границу и поплыл на ЮГ над Северо-восточными территориями США, убитых и обездоленных не нашлось, его видели миллионы жителей Атлантического побережья, над Нью-Йорком эта штука напоминала католическую свечу, некий мужчина из Нью-Джерси сказал по телефону: вижу голову высунувшегося в иллюминатор. Через мгновение объект стал темным, гигантское зарево исчезло, будто б его выключили, что-то упало неподалеку от лагара Армии спасения в Аппенде. В группе мальчиков заметили голубой свет из леса и пошли туда. Упавший предмет нашел Джон Висли Блюм, это была голова из иллюминатора, с запахом паленой резины. На следующий день

на лице Джона выступила красная сыпь. Объект сгорел дотла (голова!), прибывшие специалисты обнаружили лишь кусок угля. Интересное заявление сделал по этому поводу доктор И. М. Левит, директор Франклинского астрономического института: я не верю в это. Доктор Томас К. Николсон, директор Гайденского планетария, сказал: этот объект был. Однако доктор Фред Л., директор Смитсоновской астрофизической лаборатории не согласился с коллегами. Советский Ташкент и американский Северо-восток на одной и той же широте и долготе, но в разных полушариях, Ташкентское землетрясение и Американский метеор произошли одновременно, в точно совпадающих квадратах земли. Необычайно длинные пальцы у пришельцев, — это отмечают все, — высокий рост, бледные плащи, радиоактивный пояс Ван Аллона, 24 день апреля, июня, сентября, ноября и декабря — день особенной активности существ с НЛО. Во Второй книге царств, гл. 1 с неба сыпятся огненные шары, убивающие 100 солдат и 1 офицера, гл. 2: пророк Илия хорошо защищен от НЛО, в пустыне Элиша идет с небес похожий на рыбу объект, с хвоста пылает огонь, он принимает Илию и идет вверх. Знаменитый горящий куст перед Моисеем видели все евреи (12 колен!), а из пламени шел ангел в каске и куст горел, но так и не сгорел. Нет ни тучки, ни штучки, голосуясь жизнь где Психея там клинок и смерть, луна цвета фонаря над башней, наши идеалы — башенные тюрьмы слева или справа уже не существенно. Я не верю в страницы перевернутые. Ангелы поют тю-оп. Ум не остается, он плагиат, один на всех. Фонари (огни) как шахматы. Я закрываю 20-й век, строю двери закрытия, каждый год с 1 января с нуля начинается фраза и идет до точки 31 декабря, вновь нуль. Это лето с неплохим — цветы, редкий дождь, что еще? Из лучших лет! Народ выводит своих цыплят, цельнометаллических. Лампочка и над нею обод. Проникнуться, что мясо нарезают длинными плоскими ломтями толщиной 5мм., пес — громада, рваный ходит между домов, как прохожий. Небо алое, тучи синие, день очень многоцветный будет, когда зажгут огни. Будущих книг нет, ждешь в пустыне шагах в 30 первые ростки, стебельки, как из фасолины — странички, а взойдет, рви, сыпятся. Если превратить себя в тюбик, выдавится одна грусть-мария. В пустыне могут быть лавочки, а на них женщины с газетами, сахар, танки, ныряльщицы в песок, негры, курицы, револьверы, часы, трусики, белье в ночном воздухе, шапки и короли, сосушие мех, плуг, режущий пустыню, гребцы, сажющие семена, моряки и книги, где кровь привлекает мух, очки золотые прозрачные, снег шлепает и трактор бурю раздвигает. Я сидел в пустыне на желтой коже, месяц шел своей жизнью, как поток. Он блестел! Одинокие и дикие выстрелы-ветры, а потом вновь ястреб взойдет на песок, как люди ровно идут по тропинкам, живые столбики, а есть девушки вроде столбов, раздетых. Забрезжит бирюза, капелью на перильцах балконных, когда идут люди, опустив головы по плоскостям. Лампа палит! Я взял кисти с

тушью, перья, бело-малиновую бумагу. Каролингским законодательством, а также декретами грегорианской реформы вводится единство круглого письма, минускула. Ключицкий монашеский орден, : ойско черных монахов садится за книги, перо, выпавшее из рук Ключи, взяли картезианцы, премонстраты, чтоб писать повести своего века. Картезианцы: книги мы должны создавать и хранить как пищу души (вечную), и то слово, которое называем устами, умеем печатать рукою. Приложи себя к писанию книг, это дело и подвиг, оно прилично людям: сидя на кафедре, пиши искусно и в молчании, не шатайся в бездельи по сторонам (статуты аббата Гига, устав Парижских викторианцев, XII в.), Св. Ведаст, глядя на писца и видя, сколькими точками ранен лист, говорит: столько грехов отпущу тебе, сколько в этой книге точек. Монахи Сен-Дени пишут эпитафию Сугерию: всегда был он готов к чтению, пению и письму. Об Ордерике Виталии: он не выпускал пера из рук от пятилетнего возраста до 67 лет. Но большой шум книг у Ирландии, до конституции, где пункт: сначала нужно писать на Родине, но если это бесполезно, покинуть ее. Они искали пустыню за морем, Эйрик Оксерский пишет: почти вся Ирландия с целыми стаями философов плывет. Что ж увидели ирландцы (скотты) в Европе? Эстету Теодульфу лекции парижского грамматика Климента напоминают рычание антилопы. Какое расстояние между скоттом и дураком? — спросил Карл Лысый, у Мованна Эриугены, сидя против него за столом. — Один только стол, — ответил тот. Ученый грамматик Дунгал, подаривший Италии много ценных рукописей, пишет: ночью рыдаю и днем, жалкий изгнанник и нищий. Марианн Скотт вернулся в Кельн, он пишет: подобно журавлям и коршунам, коих родину и происхождение один Бог ведает, мы покидаем отчизну и нигде не хотим казаться своими, пиша книги. Но горести ирландцев — нуль рядом с русскими. Запись писца Мокия, 1553 г.: вышло тогда по многим городам повеление Царя Ивана Васильевича писать книги. И я Мокий написал пять тетрадей. Кроме того не по воле моей поручили мне писать Минею, я же не послушался того. И было мне грозное внушение, и начал я писать поневоле, но Господь меня не оставил: писал я с радостно. Жил я тогда в доме своего брата. И был пожар, и негде мне писать. И я пришел к Федору и Фоме и ркох им: НЕГДЕ ПИСАТЬ! Ночь, лампа, шар разбойничий, кто-то снизу в пол головой бьет. Алкоголизм истончил мою кожу, удивительно юношеская, будут обшивать ею, любоваться (когда сорвут). Истониюшеская, будут обшивать ею, любоваться, что ж, книга не чаетя и канцелярский год книга эта кончается, что ж, книга не отчет. Сколько ожиданий, оживлений! Циферблат погас, заслоненный бурей, в лампу ударил гром, и я не понимал, отчего освещается лист, продолжая писать с тем же воодушевлением. И вдруг я увидел: моя левая рука лежит слева и пальцы ее засияли, освещая страницу! Перо сломано, чернила высохли, книга закрыта, — друзья.